

С первыми днями весны у ворот поместья Ян в Сучжоу запестрели вереницы повозок. Они непрерывно сновали туда-сюда через боковые ворота, разгружая тюки и ящики — бог весть, что за добро свозили в усадьбу. Парадные двери поместья Ян почти никогда не открывались, все повседневные дела велись через боковой вход. Лишь ради самых важных гостей старый хромой управитель приказывал распахнуть главные ворота; тогда он лично выходил на вторую ступень крыльца, расплываясь в широкой, радушной улыбке.

Сегодня, однако, всё было иначе. Множество слуг усердно мели брусчатку перед парадным входом, попутно отправляя прибывающие обозы в обход, к задним воротам. Старый господин Ян Сю, опираясь на трость, застыл на самом верху каменной лестницы из восьми ступеней. Старый хромой управитель стоял у подножия, почтительно опустил голову и спрятав ладони в широкие рукава.

За их спинами выстроились домашние стражники и челядь. Вся эта толпа замерла в благоговейном ожидании. Ни единого шороха, ни единого лишнего слова. Непривычная, торжественная тишина заставляла редких прохожих замедлять шаг и с любопытством перешептываться, указывая пальцами на господский дом.

Семья Ян промышляла торговлей, да так успешно, что мало кто мог с ними тягаться. Когда-то их предки ходили в казенных купцах, но со временем связи при дворе ослабли, и дело перевели на сугубо коммерческие рельсы. Превращение государственных поставщиков в обычных торговцев не понравилось императорскому двору Великой Чжоу. На семью посыпались притеснения, и дело постепенно пришло к упадку. Однако тридцать лет назад старый господин Ян неожиданно получил огромную сумму денег и развернулся с невиданным размахом. Словно по волшебству, все их проблемы — и явные, и тайные — кто-то разом разрешил.

За три десятка лет их торговая сеть оплела всю страну от южных рубежей до северных рек, превратив Янов в богатейших людей Поднебесной.

Ныне делами заправлял старший сын патриарха, Ян Синь. Сам старик давно отошел от забот, предпочитая нянчить птиц да возиться с цветами в саду. И всё же в Сучжоу прекрасно знали: нынешним величием усадьба обязана именно ему. Никто не смел перечить старому господину — в собственном доме он оставался непререкаемым владыкой. И то, что сегодня этот грозный старец смиренно ждал кого-то на пороге, интриговало обывателей не на шутку.

Зеваки, при всей своей любознательности, не решались задерживаться у ворот: влияние Янов в Сучжоу было безграничным. Посреди этой напряженной тишины на дороге показалась четырехколесная повозка. Она плавно покачивалась на ухабах, направляясь прямоком к воротам. Экипаж был небольшим, обтянутым белым шелком; на его углах красовалась причудливая резьба в виде невиданных цветов, а крышу венчали четыре крупных изумрудно-зеленых кристалла.

Одного взгляда на эти камни хватило, чтобы Ян Синь, стоявший позади отца со сложенными за спиной руками, удивленно приподнял брови.

«Роскошь, скрытая в неприметных деталях... Неужели это и есть тот гость, ради которого отец поднял на ноги весь дом?»

Не дожидаясь, пока лошади остановятся, старик поспешил вниз по ступеням. Замерев у дверцы экипажа, он произнес с глубоким почтением:

— Господин, мы приехали. Не соблаговолите ли сойти, дабы передохнуть с дороги в моих покоях?

—...

Прошло несколько долгих мгновений. Старик стоял со склоненной головой, но изнутри не доносилось ни звука. Патриарх не смел шелохнуться, а слуги позади него боялись даже дышать. Воздух словно загустел в нелепом, звенящем ожидании. Наконец кучер спрыгнул на землю и робко позвал:

— Господин?..

— Господин внутри? — зашептались в толпе.

Слуги удивленно переглядывались. В конце концов старик сам шагнул вперед и осторожно откинул шелковую занавеску.

Внутри никого не было. Лишь на мягком сиденье сиротливо белел лист бумаги. Дрожащими пальцами старик взял его и развернул. На бумаге изящным, летящим почерком было выведено:

«Я уже вошел. Не утруждайте себя церемониями».

Старый Ян лишь беспомощно покачал головой и, криво усмехнувшись, молча повернул назад. Оставшиеся у ворот слуги растерянно переглядывались: они прождали здесь всё утро, а гость просто растаял в воздухе.

— Чего застыли? — сухо бросил Ян Синь. — Возвращайтесь к своим обязанностям.

Спрятав раздражение за маской холодного безразличия, он пошел следом за отцом.

— А здесь недурно... — пробормотал юноша в белом, лениво пиная носком туфли гладкие плиты из благородного шоушаньского камня.

Бай По был на редкость хрупкого телосложения — казалось, его тонкую талию можно обхватить пальцами одной руки. Иссиня-черные волосы, спускавшиеся до самой поясницы, лежали в художественном беспорядке, перехваченные на затылке простой алой лентой. Он разглядывал раскинувшиеся впереди садовые павильоны своими слегка округлыми глазами, катая в бледных ладонях маленький нефритовый флакон.

Длинные, изящные пальцы юноши казались неестественно бледными, почти прозрачными. Их холодный молочный оттенок мало чем отличался от цвета белого нефрита, что выглядело даже немного жутковато.

Несколько прядей небрежно падали ему на лоб. Несмотря на общую худобу, его круглое лицо сохранило детскую припухлость — пухлые щеки забавно контрастировали с хрупким телом. Он смотрел на мир огромными бездонно-черными глазами со смесью любопытства и скуки. Бледные, едва розоватые губы были слегка приоткрыты, выдавая врожденную болезненность. Своим обликом он больше напоминал изящную куклу из тончайшего белого фарфора.

В эту минуту фарфоровый «кукольный» юноша с интересом наблюдал за живым ребенком на вершине декоративной горки. Мальчугану на вид было года четыре или пять. Он неловко елозил на самом краю каменистого уступа, явно желая, но боясь разрыдаться. Служанок поблизости не наблюдалось. Глядя, как карапуз забавно кряхтит и пятится, задевая попой камни, Бай По не выдержал и негромко фыркнул.

— Ой, сейчас свалится... Оп-ля... Точно свалится... — бормотал он под нос.

Подперев подбородок ладонью, юноша наблюдал, как дитя сползает всё ближе к обрыву. Он предвкушающе улыбался. Когда пухлый малец наконец сорвался и покатился вниз, Бай По легко оттолкнулся от земли. В мгновение ока преодолев разделявшее их расстояние, он перехватил мальчика прямо в воздухе и плавно опустил на траву. Малыш даже не успел испугаться; он лишь ошарашенно уставился на своего спасителя круглыми глазами.

— Умница, — одобрительно хмыкнул Бай По.

Но стоило ему улыбнуться, как ребенок опомнился и оглушительно заревел. Похоже, шок прошел, уступив место искренней обиде.

Лицо Бай По мгновенно утратило всякое дружелюбие. Смерив плаксу свирепым взглядом, он пригрозил:

— А ну замолчи! Будешь реветь — выдеру.

Юноша нахмурился, но избалованный наследник и не думал затихать. Маленький Ян Хао был единственным продолжением рода, сокровищем всей семьи Ян. Пылинки с него сдували все от мала до велика, и уж точно никто никогда на него не повышал голос.

Но Бай По подобные нежности были чужды. Он бесцеремонно вздернул мальчишку за шиворот и отвесил ему звонкий шлепок по мягкому месту. Опешив от такой наглости, Ян Хао на секунду замолк, а затем взвыл с новой, утроенной силой.

Бай По поморщился. На его пухлом лице отразилось крайнее раздражение. Дети — на редкость несносные создания. Совершенно несносные. Окинув взглядом декоративный пруд у подножия горки, он просто размахнулся и зашвырнул кричащего карапуза прямо в воду...

В этот момент со стороны усадьбы торопливо шла процессия. Все домочадцы, так и не дождавшись гостя у ворот, спешили за старым господином к его кабинету. Вдруг со стороны пруда донесся надрывный детский плач. Ошибиться было невозможно — так кричал только любимец семьи, маленький Ян Хао. Уложив наследника на полуденный сон, няньки и служанки отлучились встречать гостей, не подозревая, что этот сорванец проснется раньше времени и выберется в сад один.

Поняв, что ребенок остался без присмотра, старый господин Ян Сю переменялся в лице. Шумная толпа родственников бросилась к воде. Но не успели они добежать, как их глазам предстало жуткое зрелище: красный шелковый сверток, в котором они без труда узнали своего ненаглядного Ян Хао, описал в воздухе широкую дугу и полетел прямо в пруд.

Сердце старика ушло в пятки, у него перехватило дыхание.

— Хао-хао! — взревел шедший следом Ян Синь.

Он среагировал быстрее, чем прозвучал его собственный крик. В один мощный прыжок взлетев на камни, он перехватил летящего сына у самой воды и мягко приземлился на ноги.

Стоявшие поодаль родственники шумно выдохнули. Старый господин Ян Сю, славившийся своей невозмутимостью даже в самые суровые времена, без сил опустился прямо на траву. Полуденный зной у ворот, беготня по усадьбе, а теперь еще и этот смертельный испуг за внука окончательно подкосили его силы.

Стоило главе семейства повалиться с ног, как остальные домочадцы, забыв о приличиях, гурьбой повалились рядом.

Бай По с прищуром окинул взглядом Ян Синя, затем перевел взор на кучу престарелых богачей, нелепо рассевшихся по земле. Он усмехнулся, и сад огласил звонкий, залиvistый смех.

— Дерзость! Кто ты такой, чтобы чинить бесчинства в моем доме?! — приходя в себя, прохрипел старый Ян Сю. Опираясь на подбежавшего управителя, он поднялся во весь рост.

Ян Синь, прижимая к себе всхлипывающего сына, медленно развернулся. В его темных, как

стоячая вода, глазах не было отцовской ярости — лишь холодная, давящая тишина, устремленная на незваного гостя.

Юноша не отличался высоким ростом. Его бледное округлое лицо с пухлыми щеками сразу бросалось в глаза, а во взоре читалось ленивое пренебрежение. Он не просто смотрел на главу семьи — он его оценивал, словно вещь на рынке. Обыкновенно бесстрастный Ян Синь нахмурился. Наглец вел себя вызывающе дерзко.

Бай По молча наблюдал за приближением задыхающегося старика. Подперев левой рукой подбородок, он правой медленно поглаживал нефритовый флакон, который до этого крутил в пальцах. Когда старый Ян Сю остановился прямо перед ним, юноша перестал щуриться и посмотрел пристально и пронзительно.

— У почтенного господина Яна крутой нрав, — с легкой усмешкой бросил Бай По. — Неужели ты перестал узнавать собственного господина?

«Господин?..»

От этого простого слова маска равнодушия окончательно сползла с лица Ян Синя. Он потрясенно уставился на пришельца.

Ярость старого господина Яна испарилась в одно мгновение. Лицо его несколько раз изменилось в цвете, пока наконец не застыло в заискивающей гримасе. Он низко склонился и заговорил вкрадчивым тоном:

— Молодой господин, должно быть, утомился с дороги? Позвольте пригласить вас в мой скромный кабинет, дабы вы могли перевести дух.

Еще один раз окинув взглядом рассеявшееся по траве семейство, Бай По тихо прыснул.

— Что ж, веди, — бросил он. — Я и впрямь немного устал.

— Ни о чем не спрашивай... — одними губами шепнул Ян Сю растерянному сыну.

Опираясь на трость, старик послушно поплелся следом за белой фигурой юноши.